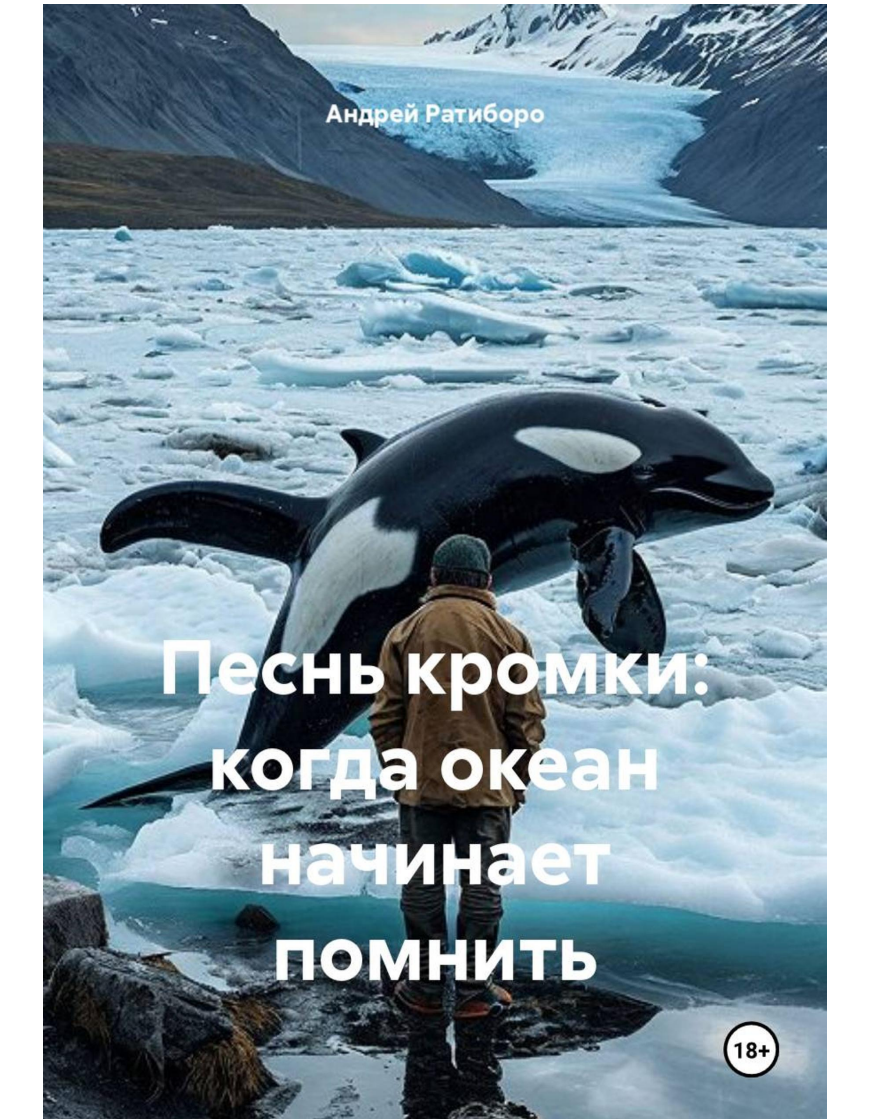

A surreal landscape where a large orca is partially submerged in a sea of broken ice floes. In the background, a massive glacier flows down a dark, rocky mountain. A man in a brown jacket and a grey beanie stands on a small rock in the foreground, looking at the orca. The water is a deep, milky blue, and the ice is white with some blue-tinted chunks.

Андрей Ратиборо

**Песнь кромки:
когда океан
начинает
ПОМНИТЬ**

18+

Андрей Ратиборо
Песнь кромки: когда
океан начинает помнить

<https://litres.ru/74394502>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ледяных просторах Чукотки человек бросает вызов стихии — и проигрывает не в силе, а в понимании. Одержимый идеей поймать косатку, Слава сплетает из металла и отчаяния ловушку, которая оборачивается зеркалом: в нём отражается хрупкость человеческой воли перед лицом древнего, равнодушного величия океана. Но страшнее любой схватки оказывается прозрение — осознание, что мир не нуждается в человеке, а память о содеянном остаётся не в словах, а в ритме воды, в песне косаток, в тающем льде. Это история о границе, где заканчивается власть человека и начинается вечность природы, — о кромке, на которой рождается подлинное смирение и самый глубокий ужас.

Андрей Ратиборо

Песнь кромки: когда океан начинает помнить

Металл был холодным. Не просто холодным — ноябрьским, сквозным, тем самым холодом, который забирается под кожу и глухо стучит в костях, как второе сердце. А мёртвым. Ледяным, мёртвым, впитавшим в себя чужую боль — так ведь и бывает со всем, что долго лежит рядом с открытой водой. Карабин лежал у меня на ладони, и я чувствовал, как он вибрирует. Едва заметно, на грани воображения. Но вибрация была. Скрытая агрессия, запертая в стальных молекулах, как воздух в закупоренной бутылке. Нержавеющая сталь — так гласила этикетка, приклеенная к пластиковому кейсу, в котором он пришёл почтой. Нержавеющая. Слово, которое обещало вечность. Как будто металл мог ржаветь от чего-то, кроме времени. Как будто ржавчина — единственная болезнь, способная его сожрать.

Но я-то знал лучше. Ржавчина — не единственная болезнь. Есть вещи страшнее ржавчины. И они приходят не снаружи. Они приходят изнутри.

Я давно мечтал о нём. Не о том, чтобы носить ключи или цепочку от брелока — та пошлость, для которой карабины покупают нормальные люди. Нет. Моя мечта уходила корня-

ми глубже, туда, куда не проникает свет. Туда, на дно океана, где давление сжимает всё живое, как кулак, сжимающий бьющееся сердце. Я хотел поймать их. Косаток.

Это звучало безумно. Любой бы так сказал. Мой сосед Серёга — с его рыжей бородой и глазами, похожими на мутные линзы старых очков, которые он никогда не чистил, — всегда хихикал, когда я заговаривал об этом. Смех у него был короткий, отрывистый, как лай терьера на пустом дворе.

— Ты с ума сошёл, Слава, — говорил он, поглаживая свою пивную кружку с таким усердием, словно это было живое существо, которое нужно успокоить. — Они же убьют тебя. Они убьют всех.

— А белых медведей? — спрашивал я, и мой голос хрипел, как будто гортань забило гравием, каким-то влажным, тёмным гравием с арктического берега. — Они едят белых медведей. Этих огромных, белых, молчаливых тварей, которые плавают в ледяной воде между льдинами, как призраки между стенами разрушенного дома. Косатки находят их в открытой воде — там, где лёд растаял и медведю некуда бежать, некуда опереться, некуда спрятать свои огромные, когтистые лапы. И они раздирают их. Раздирают живьём.

Серёга молчал. Он не любил говорить о смерти — даже о чужой, даже о звериной. Но я видел, как в его глазах мелькало что-то, что он сам, наверное, не хотел видеть. Страх. Не перед косатками. Перед тем, как я говорил об этом. С какой любовью. С какой жадностью — голодной, влажной, почти

детской, как у мальчишки, который нашёл мёртвую птицу и не может отвести взгляд от переломленного крыла.

А потом Серёга спросил — тихо, без усмешки, без пивной кружки в руке, просто спросил, глядя мне в глаза так, будто впервые меня увидел:

— Ты их любишь или ненавидишь, Слава?

И я не ответил. Не потому что не знал. А потому что ответ был слишком большим для одного слова, слишком сложным для одного предложения, слишком живым для одного языка. Любишь ли ты океан, который может тебя убить? Любишь ли ты гору, которая может тебя раздавить? Любишь ли ты огонь, который может тебя сожрать? Да. Именно потому, что может. Именно потому, что в любой момент может перестать тебя терпеть и сделает с тобой то, что делал с миллионами существ до тебя — сотрёт, как ошибку на грифельной доске.

Я люблю океан. Не так, как любят закаты на пляже — с коктейлем и солнцезащитным кремом. Я люблю его так, как можно любить только то, что сильнее тебя. Океан — это не вода. Океан — это мысль. Медленная, тёмная, древняя мысль, которая началась три миллиарда лет назад и до сих пор не закончилась, потому что у неё нет конца, как нет конца у круга. Мы вышли из океана. Все мы — каждый человек, каждая собака, каждое дерево, каждый камень, на котором есть мох — вышли из океана. Мы носим его в себе: наши слёзы солёные, наша кровь солёная, наша жизнь — солёная.

Мы — океан, который научился ходить. И мы — океан, который забыл, откуда он пришёл.

Человек думает, что он венец творения. Что мир создан для него. Что звери — это звери, а рыбы — это рыбы, а океан — это просто большая лужа с товарным кодом и экономической зоной. Человек думает, что он стоит на вершине пирамиды, и вершина эта — его по праву рождения, по праву разума, по праву того, что он умеет писать стихи и собирать табуретки.

Но человек забывает одну вещь. Пирамида — не трон. Пирамида — могила. И тот, кто стоит на вершине, стоит первым в очереди на падение.

Белый медведь не думает, что он венец творения. Он просто живёт. Он выходит на лёд, нюхает ветер, ловит рыбу, спит в снегу, растит медвежат, умирает где-то между льдинами, и его тело уходит в воду, и вода уносит его, и он становится частью того, из чего был сделан. Нет трагедии. Нет Complaints. Нет экзистенциального ужаса. Есть только жизнь — огромная, молчаливая, белая жизнь, которая течёт, как река, которая не знает, что она река.

А косатка? Косатка знает. Я уверен в этом. Я видел её глаза — те самые, тёмные, блестящие, знающие глаза, — и в них было что-то, чего нет в глазах медведя. Не умнее. Не лучше. Другое. Косатка знает, что она косатка. У неё есть «я», и это «я» — не человеческое «я», не невротическое, не сомневающееся, не раздираемое виной и амбициями, а «я» чистое,

как капля воды, как атом водорода, как первый луч света, который пробился сквозь толщу океана три миллиарда лет назад и спросил: «Кто я?»

Косатка не отвечает на этот вопрос. Она просто плывёт. И в этом — весь ответ.

Карабин лежал на моей ладони. Он был тяжелее, чем казался, когда я смотрел на него в интернете. Тяжелее, чем любой кусок стали, который я когда-либо держал. Тяжелее, чем должно быть. Как будто внутри него было что-то ещё — кроме молекул, кроме атомов, кроме маркетинговых обещаний. Он обещал прочность. «Максимальная нагрузка — 500 кг», — говорилось в описании. Пятьсот килограммов. Взрослый самец косатки весит шесть тонн. В двенадцать раз больше. Но я не собирался тянуть его наверх. Я собирался тянуть его вниз.

Давно мечтал купить такой, думал я, повторяя фразу, которая стала мантрой, заклинанием, молитвой без бога. Очень понравился этот карабин. Думаю, выдержит много.

Выдержит много. Да. Он выдержит.

Я представил — и представление было таким ярким, что я физически ощутил, как холодеют пальцы, — я представил, как карабин вплетается в невидимую цепь, которая тянется сквозь толщу ледяной воды, сквозь мрак, где давление сжимает лёгкие, как кулак, сжимающий горло. Цепь, которую я закину не в сеть, не в ловушку, не в капкан. Прямо в пасть

хищника. Не для того, чтобы убить его сразу. Нет. Убийство — это слишком быстро. Слишком чисто. Слишком мило-сердно.

Я хотел, чтобы он чувствовал.

Представь это. Ты — косатка. Ты — вершина. Не просто хищник — вершина. Трон, выточенный из миллионов лет эволюции, отполированный холодной водой и тёплой кровью. Твоё тело — торпеда, обтянутая чёрной и белой кожей, восемь метров от носа до кончика хвостового плавника. Шесть тонн мышц, жира и целеустремлённости. Ты скользишь сквозь воду со скоростью, от которой у более мелких существ рвутся барабанные перепонки. Тридцать пять миль в час. Эхолокация работает, как сонар подлодки: ты излучаешь щелчки — короткие, точные, безжалостные — и мир вокруг тебя выстраивается из отголосков. Каждый объект. Каждое живое существо. Каждое бьющееся сердце. Ты слышишь их всех.

Твои зубы — от сорока до пятидесяти шести штук, каждый от двух до четырёх дюймов длиной — не зубы в человеческом понимании. Это инструменты. Долота, созданные для того, чтобы хватать, держать, рвать. Сила укуса — девятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм. Достаточно, чтобы прокусить стальную трубу. Достаточно, чтобы раздробить череп кита. Достаточно, чтобы разделить воду на «до» и «после».

Ты — машина войны. Но не слепая. Ты — мыслящая машина войны. Ты охотишься в стае — нет, в клане, в семье, в группе, которая передаёт знания из поколения в поколение, как бабушка передаёт внучке рецепт пирога, только рецепт здесь — как создать волну, которая смоет тюленя с льдины. Как ударить хвостом так, чтобы оглушить морского льва. Как загнать белуху в залив, из которого нет выхода. Культура. У тебя есть культура. У тебя есть язык. У тебя есть диалект, который понимают только члены твоей семьи, и есть слова, которые значат: «сейчас», «впервые», «вон там», «беги».

И вот ты плывёшь. Арктика. Вода — чёрная, густая, холодная, минус полтора градуса по Цельсию, и только толстый слой подкожного жира — до двенадцати дюймов — спасает тебя от замерзания. Лёд вокруг тает. Он тает быстрее, чем таял когда-либо за миллионы лет. Полыньи расширяются. Каналы между льдинами открываются, как раны на коже. И сквозь эти раны ты проникаешь всё дальше на север — туда, куда раньше тебе было не добраться, куда мешал ходить спинной плавник, высокий и прямой, как надгробие.

Ты чувствуешь вибрации. Белая медведица. Она плывёт рядом — в нескольких сотнях метров, не подозревая, что охота уже началась. Она плывёт между льдинами, переваливаясь своим огромным телом в воде с неожиданной грацией, как балерина, которая весит четыреста килограммов. Её лапы — по тридцать сантиметров в поперечнике, с перепонками между пальцами — рассекают воду, как вёсла. Она может

проплыть сотни километров без остановки. Известен случай, когда медведица проплыла шестьсот восемьдесят пять километров за девять дней. Она потеряла медвежонка по дороге. Она похудела. Но она доплыла.

Ты бросаешься в атаку. Не один — вас трое, вас пятеро, вас семеро. Вы окружаете её. Вы бьёте её хвостами, как бьют бейсбольными битами — тяжело, точно, безжалостно. Она дёргается, она машет лапами, её когти — четыре дюйма — царапают твою кожу, но что такое царапина для существа, у которого подкожный жир толщиной в ладонь? Зубы смыкаются. Кровь разливается в воду — тёплая, густая, сладкая от железа. Она разливается, как облако, как чернила, как тень, которая живёт собственной жизнью.

Но тут ты чувствуешь натяжение.

Тонкую, но твёрдую нить, которая тянет за твоей челюстью. Ты пытаешься откусить. Сталь не гнётся. Ты дёргаешься сильнее — всем своим телом, шестью тоннами мышц и ярости. Сталь не рвётся. Она держит. Она врезается в твою плоть, в дёсны, в губу, не давая отпустить добычу, не давая убить, не давая закончить то, ради чего ты родился, ради чего твои предки выстраивали свои тела миллионы лет. Ты застрял. Ты в ловушке, созданной из ничего, из простого, скучного, нержавеющей металла, купленного в интернете за тридцать два доллара с доставкой.

И тогда начинается голод. Не физический. Физический голод — это ерунда, ты можешь не есть неделями. Психоло-

гический. Ты видишь — нет, ты слышишь, ты эхолоцируешь — белую медведицу, плывущую к льдине, к спасению, к воздуху, к жизни. Свободную. Ты хочешь догнать. Ты рвёшься вперёд. Но карабин тянет назад. Он держит тебя там, где ты не должен быть. В темноте. В одиночестве. В воде, которая была твоим домом, а стала тюрьмой.

Я улыбнулся. Улыбка была кривой, болезненной, как трещина в зеркале.

— Выдержит, — прошептал я, глядя на карабин. — Он выдержит всё.

За окном начался дождь. Капли били по стеклу, как пальцы утопленников — я однажды слышал, как звучат пальцы утопленников, не спрашивайте где. Я положил карабин на стол. Он лежал там — маленький, безобидный, обычный. Блестел под лампой, как хирургический инструмент, как портсигар, как кольцо для салфетки. Но я знал правду. Металл помнит. Металл ждёт.

Я достал телефон. На экране было сообщение от Серёги: «Слава, ты в порядке? Я слышал, ты снова ходил к берегу. Не делай глупостей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.